

Социологический Институт РАН
Центр Изучения Зон Культурного
Отчуждения и Пограничья
ЦИЗКОП СИ РАН

Санкт-Петербургский
Государственный
Университет

Социологический институт РАН

Центр изучения зон культурного
отчуждения и пограничья

Санкт-Петербургский государственный
университет

Институт философии
Кафедра русской философии и культуры

При участии

Журнал

HORIZON
Феноменологические
исследования

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОЛЛОКВИУМ

Теория культурной травмы: индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф

Коллоквиум проводится в рамках исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований 18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»

6 октября 2018,
Санкт-Петербург
Менделеевская линия, 5, ауд. 108

Программа коллоквиума

6 октября 2018

Менделеевская линия, 5, ауд. 108

12-00 – 13-30

Александр Бродский (СПбГУ, Россия / ЦИЗКОП СИ РАН, Россия) **Пролегомены ко всякой культурной травматологии**

Петар Боянич (Университет Белграда, Сербия / Университет Райека, Хорватия / Уральский федеральный университет (УрФУ), Россия)

ТРАВМА: ТЕРРОР И ВЗРЫВ (“...значение пламени и производства бомб”)

Ксения Капельчук (ЦИЗКОП СИ РАН, Россия) **Angelus Novus / El angel exterminador: к вопросу об исторической герменевтике травмы**

13-30 – 14-30 Перерыв

14-30 – 16-00

Анна Новикова (СПбГУ, Россия) **О возможности субъекта в «opus posth-музыке»: между травмой и симуляцией**

Валерия Дудинец (СПбГУ, Россия) **Культурная травма Германии (1945-1963)**

Светлана Никонова (Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов, Россия): **Сознание как сознание разрыва: о тождестве между травмой и зоной отчуждения**

16-00 – 16-30 Перерыв

16-30 – 18-00

Наталья Артёменко (СПбГУ, Россия / ЦИЗКОП СИ РАН, Россия): **Темпоральное измерение травмы**

Алексей Сидоров (СПбГУ, Россия) **Темпоральность травматического опыта**

Сергей Троицкий (СПбГУ, Россия / ЦИЗКОП СИ РАН, Россия) **Культурная травма в процессе формирования топографической иерархии**

18-00 – 18-30 Общая дискуссия

АННОТАЦИИ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Александр Бродский

Прологомены ко всякой культурной травматологии

На рубеже XX – XXI вв. появилось множество работ, в которых анализируется т.н. «культурная травма», т.е. коллективная психологическая травма, участвующая в формировании коллективной (национальной, религиозной и т.п.) идентичности. В этих исследованиях использовались различные, иногда взаимоисключающие, методологии. Автор доклада пытается объединить все ценное, что было достигнуто в рамках современных методологий, переосмыслив исходные посылки изучения культурных травм. *Первая посылка*, которую предлагает автор доклада – это гипотеза некоммуникативной природы языка, согласно которой язык сформирован как «оперативно-вычислительная система», изначально не предназначенная для взаимодействия между людьми (Н. Хомский и др.). Вторая посылка – это креативный, необходимый для становления личности или коллектива характер вытесненных в подсознание травматических факторов (фрейдизм 1920-х – 1930-х гг.). Третья посылка – «селективный» характер любой культуры, пропускающий или вытесняющий имеющиеся в ее распоряжении смыслы и ценности (Фуко и др.). В результате автор предлагает рассматривать культурную травму как процесс сложного взаимодействия сознательного (репрезентативного, коммуникативного) и подсознательного (операционно-мыслительного) фактора. Причем, на сознательном уровне речь всегда идет о травмирующих внешних обстоятельствах, «враждебном окружении»; на подсознательном – о несостоявшемся самоотрицании, неспособности «стать другими». Оба уровня являются необходимыми для становления коллективной идентичности.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Ксения Капельчук

Angelus Novus / El angel exterminador: к вопросу об исторической герменевтике травмы

Исследования культурной травмы, как и практически любое направление, относящееся к гуманитарному научному полю, представляют собой неоднородный феномен: теории варьируются не только в зависимости от используемых методологий и теоретических установок исследователей, но также во многом оказываются определены теми специфическими культурными контекстами, в которых эти исследователи ставят вопрос об исторических

событиях в терминах травмы. В этом смысле релевантным оказывается вопрос о способе данности истории, который позволяет говорить о ней как о свершившейся трагедии, следствия которой продлеваются в настоящем. Для описания этого способа данности используются такие понятия, как траур, горе, свидетельство и т.д. Все они призваны разрешить ту двойственность, которая присуща разговору о травме: с одной стороны, невозможность и непоправимость катастрофического события, с другой, описание его структуры и стратегии проработки. Но действительно ли она разрешима? Вопрос состоит в том, какая же перспектива позволяет нам описывать историю таким образом? Чьими глазами мы при этом смотрим на мир? В докладе предполагается сопоставить два образа, служащих, с нашей точки зрения, предельными метафорами, отражающими крайние позиции в осуществлении данной рефлексии – Angelus Novus Беньямина и Ангел истребитель Бунюэля.

Один из самых растиражированных образов, связанных с историей, которые мы встречаем у Вальтера Беньямина, - это Angelus Novus с картины Пауля Клее. "Ангела истории", по описанию Беньямина, «неудержимо несет в будущее, к которому он обращен спиной». Его движение однонаправлено со шквальным ветром прогресса, наполняющим его крылья, но всё, что открывается его взгляду, обращенному вспять, представляет собой лишь громоздящиеся руины и цепь катастроф. Подобный взгляд на историю близок исследованиям, принадлежащим к направлению trauma studies: они пытаются схватить событие одновременно в двух перспективах – прогресса и катастрофы, триумфа и травмы (Б.Гизен). Этот ангелический взгляд у Беньямина является взглядом сочувствующим, взглядом, конструирующим «традицию угнетенных», в то время как бунюэлевский ангел, по сути, являет собой точку невозможной идентификации. Всё, что дано в истории Бунюэля, дано как цепь слепых повторений, в которую вкрадывается случайное эмансипирующее повторение, рефлексия которого, впрочем, приводит лишь к новому дурному повторению. Но в определенном смысле беньяминовский ангел истории и бунюэлевский ангел истребитель обнаруживают себя как две стороны одного процесса, и, возможно, это единство является не менее важным и принципиальным, нежели то динамическое единство «триумфа и травмы», которое пытаются схватить исследования травмы.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Анна Новикова

О возможности субъекта в «opus posth-музыке»: между травмой и симуляцией

В предлагаемом докладе рассматривается способ новоевропейского субъекта

реализовываться в музыке и механизм его трансформации под воздействием появления «opus posth-музыки», которая являет собой предельно субъективное произведение, в то же время, замещая собой саму возможность существования субъекта. Ключевую роль в этом процессе играет момент травмы, который в теле «opus posth-музыки» приобретает характер симуляции, что устраняя пространство реализации субъекта, открывает возможность совершенно иного типа субъективности.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Валерия Дудинец

Культурная травма Германии (1945-1963 гг.)

Доклад будет посвящен философско-культурологическому осмыслению термина культурной травмы на примере истории Германии с 1945 года по 1963 год. Главная цель доклада - исследовать культурную травму Германии, что поможет не только выявить характерные национальные черты травмы, но и расширить теоретические границы термина «культурная травма». В докладе будут проанализированы работы Карла Ясперса и Мартина Хайдеггера за период с 1945 года по 1963 год, которые можно считать источником появления новых проблематик в послевоенной немецкой философии – это проблема вины и Холокоста.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Алексей Сидоров

Темпоральность травматического опыта

Травма всегда означает глубокий кризис оснований как индивидуального, так и коллективного опыта – понимания, идентичности и, что особенно важно, нарративного времени. Травматическое событие создает специфическую повторяющуюся и запаздывающую темпоральную структуру, не вписывающуюся в линейную временность повествования, организующую обычный повседневный опыт. Травматическое событие осознается не сразу, вытесняется за пределы понимания, что неизбежно ведет к несовпадению и постоянному запаздыванию его понимания, к появлению «ззора» между событием и опытом. На коллективном уровне также существует линейное время стандартных процессов, предназначенных для выражения социальной и культурной непрерывности, и время травмы, вызывающее раскол в памяти и требующее «процесса травмы» - дискурсивного восстановления разрыва между

событием и его репрезентацией. Таким образом, и индивидуальный, и коллективный опыт травмы связан с темпоральной диалектикой забывания-восстановления, реструктурирующей прежнюю идентичность и всю сферу значений.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Светлана Никонова

Сознание как сознание разрыва: о тождестве между травмой и зоной отчуждения

Зона отчуждения, формирующаяся вокруг места травматического вторжения – это пространство аномалий, искажений. То, что попадает в зону отчуждения, вытесняется, или, напротив, гиперболизируется, принимает монструозные масштабы или стирается из памяти. Это место, где сознание теряет контроль, и рациональный дискурс нарушается. Зона отчуждения есть некое «слепое пятно» в стройной и гладкой ткани постижимой реальности, то, о чем мы едва знаем, но вблизи чего наше знание утрачивает последовательность и дает сбой. Только по ним мы и узнаем о существовании этой зоны. Но именно эти сбои придают специфику нашему «нормальному» существованию в окружающем зону пространстве (специфика личности, специфика культуры). В данном докладе нам хотелось бы показать, что формирование этого «слепого пятна» зоны отчуждения и есть суть травматического опыта: травма состоит в формировании зоны отчуждения, то есть разрыва, которым и задается своеобразие пути дальнейшего развития. Узнавание этого разрыва, проникновение сознания в зону отчуждения в таком случае можно назвать главной эпистемологической целью любого исследования, если оно хочет довести свое движение до конца. Подобное проникновение деконструирует структуру совершающей это проникновение мысли, и таким образом результаты его непредсказуемы и неопределимы в структуре мысли, совершающей проникновение, и могут вести к ее полному преображению, подобно проникновению за горизонт событий черной дыры.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Наталья Артёменко

Темпоральное измерение травмы

Интерес к изучению природы травмы как в отечественной, так и в мировой культуре, бывший ранее довольно маргинальным явлением, становится все

более заметен и в России. Исследование травмы в аспекте ее особой темпоральности приводит к следующим выводам: Травма всегда останавливает бег времени, сфабрикованный опыт прошлого не позволяет обучиться, по словам Сюзан Зонтаг, коллективной памяти, подразумевающей производство коллективного нарратива. Современный человек с его обостренной ориентацией на прошлое нуждается в такой сконструированной с помощью коллективного обучения коллективной памяти. Однако память вообще перестает производиться современным человеком, она начинает поставляться ему в готовом виде культурной индустрией. Мы проживаем в посттравматическую эпоху, в которой мемориальные практики тесно переплетены с практиками музеефикации реальности. Эту связь темпоральности и памяти мы и постараемся раскрыть в докладе.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Сергей Троицкий

Культурная травма в процессе формирования топографической иерархии

Культурный опыт переживания травмы формирует комплекс мировоззренческих клише в отношении топосов, как знакомых так и далеких и неизведанных. С этими клише (культурными репутациями) связано ожидание возможной непреодолимой угрозы травматического опыта, исходящей от неизведанных топосов, или отсутствие таковой угрозы и/или ощущение преодолимости угрозы от известных топосов. Все это формирует топографическую иерархию.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (18-011-00570 А «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ»)

Петар Боянич

ТРАВМА: ТЕРРОР И ВЗРЫВ

(“...значение пламени и производства бомб”)

Много лет назад прогремевшие в Нью-Йорке взрывы положили начало всё ещё продолжающейся “войне с терроризмом”. С тех пор множество произошедших по всему миру взрывов большей или меньшей разрушительной силы, с большим или меньшим количеством жертв, были без всяких колебаний названы террористическими “актами”, “деятельностью” или “атаками”. Можно ли объяснить, что такое терроризм, проанализировав связь слов “террор” и “взрыв” (за словами “террористическая атака с применением бомбы” может скрываться как взрыв на борту самолёта, так и нападение террориста-смертника)? Может

быть, такое определение терроризма вовсе необязательно окажется узким (Коди, Роден) и окажется в чём-то точнее прочих?

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01165)